

можность прикоснуться к необъятному волшебному миру, с которыми многие знакомы лишь по адаптированным переводам сказок цикла «1001 ночи». Для специалистов же, при всех замечаниях и оговорках, это знаковая работа, начинающая целый этап в изучении исламской демонологии и открывающая новые просторы для исследований.

В. Матросов

Библиография / References

Власова О.А. Демонология в Коране и в арабской народной литературе // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М.: Наследие, 1998. С. 258–286.

Надиров И.И. Джахилия и ислам: очерк теонимии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015.

Надиров И.И. Ритуалы Джахилии в исламе. М.: Нестор-история, 2014.

Налич Т.С. Ангелы и другие сверхъестественные существа в исламе. М.: Знак, 2009.

Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Главная редакция во-

сточной литературы изд-ва «Наука», 1991.

Башарин П.В. «Сакральные войны» в рамках мусульманской демонологии // Pax Islamica. 2009. № 2/3. С. 45–63.

Basharin, P. V. (2009) «“Sakral'nye voyny” v ramkakh musul'manskoi demonologii» [“Sacred wars” within Muslim demonology], *Pax Islamica* 2/3: 45–63.

Nadirov, I. I. (2015) *Dzhakhiliia i islam: ocherk teonimii* [Jahiliyya and Islam: An Essay on Theonomy]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.

Nadirov, I. I. (2014) *Ritualy Dzhakhiliiii v islame* [Jahiliyya rituals in Islam]. M.: Nestor-istoriia.

Nalich, T. S. (2009) *Angely i drugie sverkh“estestvennye sushchestva v islame* [Angels and other supernatural beings in Islam]. M.: Znak.

Piotrovskii, M. B. (1991) *Koranicheskie skazaniia* [Qur'anic tales]. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izd-va «Nauka».

Vlasova, O. A. (1998) “Demonologiiia v Korane i v arabskoi narodnoi literature” [Demonology in the Qur'an and in Arabic popular literature], in *Vostochnaia demonologiiia. Ot narodnykh verovanii k literature*, pp. 258–286. M.: Nasledie.

Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума) / отв. ред. Захаров В.Н. М.: Институт Российской истории РАН, 2020. — 572 с.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-347-354>

2020 был годом 400-летия одной из ключевых фигур в движении старообрядчества — прото-

попа Аввакума. В связи с этим 26 и 27 октября совместными усилиями нескольких научных учре-

ждений — Института российской истории РАН, Государственного исторического музея и Института мировой литературы — была проведена конференция, по итогам которой и был опубликован сборник «Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения». Сборник демонстрирует срез современного состояния исследований старообрядчества и позволяет делать выводы об основных подходах, методах и задачах, которые ставят перед собой представители данного направления. Издание подобного формата далеко не единственное: за последние три года состоялось несколько крупных конференций, по итогам которых под одной обложкой были опубликованы расширенные материалы докладов. Однако данный сборник отличается тем, что его составители попытались сформулировать ряд проблемных вопросов, касающихся специалистов разных областей.

Сборник состоит из небольшого введения, а также шести разделов. Во введении перечисляется ряд принципиальных проблем в исследованиях старообрядчества. К таковым, например, относится нехватка обобщающих исторических работ и новых публикаций источников; плохая изученность начального периода истории старообрядчества, а также тенденция рассматривать историю старообрядче-

ства отдельно от истории русской православной церкви, тогда как в действительности все происходило в едином историческом пространстве; накопившиеся в историографии «мифы и стереотипы», преодоление разрыва между «апологетической и обличительной» ветвями последней (с. 10–11). Хотя перечисленные проблемы справедливо названы ключевыми, к некоторым из них возникают вопросы. Прежде всего, это касается «мифов и стереотипов» историографии. Далеко не всегда существующие источники позволяют подтвердить или опровергнуть, что то или иное событие действительно имело место в истории. Подобные «мифы» иногда становятся частью идентичности той или иной группы: в настоящее время в исследование старообрядчества на академическом уровне вовлечено множество самих староверов, а также клириков РПЦ, что неизбежно сказывается на поляризации оценок исторических явлений. Те же «апологетическое и обличительное» направления историографии до некоторой степени конфессионализированы, что помимо множества прочих причин влияет на невозможность «преодоления разрыва», к которому призывает редколлегия сборника. Однако поиск «исторической правды» не должен быть ни в коем случае ограничен — это само по себе яв-

ление, достойное внимания исследователя, так же как и появление и бытование исторических «мифов».

Разделы сборника составлены достаточно условно, поэтому нет смысла рассматривать их по отдельности. Однако я коротко обозначу, какие темы представлены в каждом. В первом, озаглавленном «Актуальные проблемы изучения старообрядчества. Протопоп Аввакум и начальный период старообрядчества», опубликованы статьи по истории старообрядчества как движения, а также исследования автографов Аввакума и его сподвижников. Археографическая тематика продолжается и в следующем разделе «Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)», но также присутствуют статьи по истории отдельных общин. Из них же в основном состоит третий раздел под названием «Старообрядческие центры, старообрядческие поселения: особенности формирования, взаимодействие с окружающим населением». Безусловно, большая часть статей написана об Аввакуме, его роли в истории старообрядчества, его творчестве и значении в российской культуре. Аввакуму полностью посвящен четвертый раздел («Прото-

поп Аввакум — писатель»), однако о нем есть статьи и во всех остальных разделах. Пятая часть, «Роль старообрядческих центров и личностей в сохранении культурного наследия, взаимодействие с обществом», собрала исследования по этнографии и антропологии старообрядчества. Завершающий раздел озаглавлен как «Отношение к старообрядчеству церковных деятелей патриаршего периода и синодальной эпохи. Влияние старообрядчества на религиозные поиски духовенства, интеллигенции, народа». В нем рассматриваются региональные кейсы церковно-миссионерской политики по отношению к староверам, а также изучается восприятие древлеправославных христиан народниками и российскими поэтами. Ниже я разберу некоторые статьи более подробно.

Открывает сборник программная статья одной из самых авторитетных исследовательниц истории старой веры, Елены Юхименко, «Объективное изучение истории старообрядчества как задача современных исследователей» (с. 15–33). С одной стороны, автор подводит итоги многолетним исследованиям старообрядчества, рассматривая их по отдельным дисциплинам, а с другой — обозначает наиболее перспективные и насущные проблемы, которые должны принести значительные резуль-

таты в будущем. По замечанию ученой, одним из существенных препятствий на пути исследователей оказывается предвзятость историографии. Многие оценки и утверждения появились в те времена, когда старообрядчество считалось маргинальным религиозным течением. Долгое время они не осмыслились критически и продолжали воспроизводиться в научных публикациях. В качестве примера Юхименко приводит выдуманную историю поддержки старообрядцами занявшего Москву Наполеона в 1812 году. По ее словам, какие-либо источники это подтверждающие, кроме анекдотов, отсутствуют, зато документы, свидетельствующие об обратном, долгое время не привлекали внимания историков (с. 16–17). Интересно, что мнение Юхименко противоречит выводам статьи Любови Мельниковой об отношении староверов к наполеоновскому завоеванию. Случаев открытого коллаборационизма со стороны старообрядцев действительно не установлено, однако, как замечает автор, аргументов Юхименко недостаточно для разоблачения «мифа» (с. 510–514). При этом сами староверы попутно создавали «мифы» о себе: так, в старообрядческих кругах широко известна легенда о даровании старообрядцам Рогожского кладбища после освобождения Москвы походной церкви атаманом

М. И. Платовым, который якобы сам исповедовал старую веру. Публикуемые Мельниковой цитаты из документов опровергают это. Замечу, что в данном споре попытки дезавуировать те или иные «мифы» выглядят довольно прямолинейно и, кажется, не способствуют задаче более глубокого осмысления старообрядчества как движения. К тому же все они возникли под влиянием тех или иных социальных и политических обстоятельств, которые интересуют авторов в меньшей степени. Важно и то, что «мифы» имеют значение и в настоящее время: к примеру, на Рогожском кладбище до сих пор хранится походная церковь, якобы подаренная Платовым. На мой взгляд, вопросы о том, как формируются подобные легенды, как они находят свое материальное подтверждение, могут быть даже важнее, чем их скрупулезное разоблачение.

Юхименко также призывает обратить внимание на вклад старообрядцев в развитие и сохранение российской культуры. Под этим прежде всего подразумевается сбор и описание древних текстов и предметов церковной старины. Часто работа, проделанная старообрядцами, оказывалась в руках их противников, представителей «официальной церкви», — и таким образом влияла на развитие православной традиции в целом. Например, изъятые старообрядческие

иконы использовались для обучения писцов и публикаций, чем способствовали возрождению иконописания во второй половине XIX века (с. 23). Юхименко также замечает, что «старообрядчество как объект изучения предоставляет прекрасные возможности для комплексного исследования» (там же). Безусловно, развитые литературная, певческая и иконописная традиции требуют привлечения специалистов из самых разных дисциплин. Здесь автор отмечает успехи в комплексном изучении Выговского общежития (с. 24).

Не могу не заметить, что среди примеров успешных исследований, которые упоминает Юхименко в своей статье, нет работ по культурной антропологии и этнографии старообрядческих общин. В последнее время данное направление развивается не менее активно, чем классическая археография и другие традиционные для исследований старообрядчества дисциплины. Наиболее близким примером, который встречается в статье, можно считать историческую антропологию, под которой автор понимает изучение биографий конкретных династий, истории семей и старообрядческих династий. Вероятно, отсутствие культурной антропологии как направления должно объясняться тем, что продуктивное сотрудничество между археолога-

ми и антропологами по сей день не налажено, за одним лишь исключением — комплексным исследованием старообрядческой традиции Верхотамья (об этом еще будет сказано ниже). При этом и археографы, и музыковеды, и другие специалисты занимаются полевыми исследованиями. Постоянная рефлексия над полевым методом является одной из основ антропологии как дисциплины, и потенциально приемы этой рефлексии могли бы обогатить другие направления. В то же время антропологические исследования могли бы быть важны для понимания исторических процессов «на местах».

Елена Юхименко также отмечает необходимость «написания общей истории старообрядческого движения» (с. 31). Такой вопрос действительно назрел. Традиционно среди исследователей считается, что слишком разные пути развития старообрядческих согласий сделали их настолько непохожими друг на друга, что написать общую историю движения практически невозможно. В этом смысле интересна статья Марии Плюхановой «Ранний период формирования старообрядчества в компаративном освещении», в которой автор выделяет черты старообрядчества именно как религиозного движения или, точнее, движения покаяния. Плюханова сближает

его со средневековыми европейскими *confraternite* — объединениями мирян для совместного покаяния, — анализируя тематику покаянных сборников, содержащих паралитургические стихи. Как и западно-европейские движения средневековья, старообрядчество было сконцентрировано на идее подражания страстям Христовым. В частности, эти мотивы широко представлены в творчестве протопопа Аввакума (с. 49–52). Подобные типологические параллели весьма любопытны и позволяют посмотреть на старообрядчество не только как на движение протеста. Однако нельзя не заметить, что противопоставление себя официальной церкви все же было лейтмотивом появления старообрядчества, что отличает его от средневековых братств мирян. Статья Плюхановой не первая, рассматривающая старообрядчество именно как движение, — этому, например, посвящена монография С. А. Зеньковского, аргументы которого Плюханова разбирает. Это направление заслуживает внимания.

Ирина Поздеева в статье с замечательным названием «Триста лет и тридцать три года. Результаты комплексного археографического исследования Верхотамья» подводит итоги 33 лет комплексных экспедиций в названный регион. Данная пуб-

ликация демонстрирует, как совмещение книжного и этнографического измерения традиции в комплексном исследовании делает ее описание более насыщенным, глубоким и живым. Говоря о книжном наследии Верхотамья, Поздеева весьма подробно описывает количество археографических находок и перечисляет наиболее ценные из них, которых оказывается довольно много (с. 287–289). Верхотамскую книжную традицию также ярко характеризует «видовое разнообразие» местных собраний: те представлены как личными, так и соборными библиотеками, т. е. находившимися в общем владении всех членов общины. Община решала, у кого из них такая библиотека будет храниться физически и кто обязан заниматься ее сохранением (с. 285–286). Как правило, археографы довольно редко пишут о социальных особенностях бытования книги в старообрядческих сообществах, поскольку основной задачей считается публикация и анализ обнаруженных текстов. Тем и ценна статья Поздеевой, что она проливает свет на эти аспекты традиции.

Поскольку составители сборника сами обратили внимание на недостаточную разработанность ранней истории старообрядчества, то отмечу также две статьи, посвященные этому периоду. Елена Белякова пишет

о складывании стереотипов в отношении старообрядчества благодаря первым соборам. Автор проводит источниковедческое исследование постановлений соборов 1666, 1666–1667 годов и приходит к выводу, что раскол в русской церкви случился далеко не только вследствие принятия соборами нововведений; как такового обсуждения старого и нового обряда не состоялось, голос противников реформ не был услышан, вместо этого последних объявили «невеждами» и «непокорниками», постановили применять суровые наказания ко всем, кто не желал перемен (с. 434).

Ирина Устинова (с. 459–478) рассматривает изменения в архиерейском корпусе накануне церковной реформы: на ключевые кафедры поставляются благонадежные люди из клира патриарха Никона, не имевшие опыта управления монастырем, что противоречило сложившейся практике. Кроме того, автор оценила, насколько архиереи действительно были готовы сопротивляться никоновским нововведениям. На самом деле, перед угрозой разного рода наказаний те отказывались от борьбы и поддерживали начинания как церковной, так и светской власти. Таким образом, даже те архиереи, которые традиционно воспринимались старообрядцами в качестве их сторонников (такие как

Павел Коломенский, Симеон Сибирский и др.), в основном занимали сторону реформ.

Хотя в ряде статей сборника, как мы видели, проводятся попытки написать общую историю старой веры как движения, значительная часть работ посвящена локальной полемике внутри старообрядческих согласий и истории региональных общин. Такие работы, тем не менее, ценны тем, что позволяют показать разнообразие социальной и конфессиональной истории старообрядчества. Как движение, древлеправославное христианство не смогло добиться больших политических целей в государстве, но на местном уровне продолжалась борьба за власть и ресурсы.

Если говорить о том, какие именно центры старообрядчества были представлены в исследованиях, то следует назвать Выг (статьи Елены Юхименко, Александра Старицына); Верхотурье (Ирина Поздеева); Дубочес (о нем писали Александр Костров, Александр Пригарин и Екатерина Быкова). Региональное разнообразие староверия включает также Прибалтику (статьи Надежды Морозовой, Алексея Кудрина), Новгородчину (Илья Мельников) и другие территории, включая Якутию (Инна Юрганова), где оно практически не было представлено. Елена Данилко в очередной раз напоминает о том, что старообряд-

чество — это не только русское явление, каковым его принято считать. В Поволжье и на Урале существовали небольшие группы мордвы, коми-пермяков, чувашей и других народов данного региона, присоединившиеся к старой вере. Кроме того, авторам удалось показать, насколько глубоким было культурное влияние старообрядчества. В этом плане следует особенно отметить статьи Марианны Каплун о постановке спектакля «Аввакум» на сцене МХАТа, Бориса Сажина о попытках народников осмыслить философию старообрядчества и Кирилла Кожурина об образе протопопы в русской поэзии XVIII–XXI веков.

Впрочем, некоторые направления исследований старообрядчества оказались представленными хуже, чем остальные. Например, это касается исследований по лингвистике, иконописи и музыковедению, в рамках которых изучаются значимые аспекты старообрядческой культуры. Однако в сборнике опубликовано лишь по одной статье

из первых двух направлений (работы Надежды Дарбановой о говорах семейских, Миядзак Идзуми и Накадзава Ацуо о старообрядческих иконах в японском музее; кроме того, Екатерина Быкова довольно развернуто сообщает об иконописной традиции в скитах часовенного согласия на Дубчесе), а музыковедение не представлено вообще. Впрочем, дело не столько в количестве. Сборник выиграл бы от включения программных и обобщающих статей по указанным дисциплинам. Уверен, что не только у историков и археографов есть видение перспектив развития исследований старообрядчества.

Тем не менее, предпринятая попытка обсуждения спорных моментов истории старообрядчества достойна внимания. Остается надеяться, что на этом дискуссия не остановится и в ближайшее время появятся другие публикации, в которых она будет продолжена.

Д. Рыговский